

ТЭФФИ

МОЯ ЛЕТОПИСЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Т97

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Составление, вступительная статья
и примечания *С. С. Никоненко*

Серийное оформление *А. В. Фереца, Е. Д. Фереца*

Дизайн обложки *В. А. Воронина*

Тэффи.

Т97 Моя летопись : [сборник] / Тэффи ; [составление, вступительная статья, примечания С. С. Никоненко]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-189327-9

В «Мою летопись» вошли биографические очерки о таких разных и непохожих друг на друга людях, как император Николай II, знаменитый художник Илья Репин, почти забытый ныне поэт и драматург Леонид Мунштейн, некогда известный под псевдонимом Лоло, и давно пополнившие ряды классиков Александр Куприн и Сергей Есенин. Каждый из героев книги сыграл значимую роль в истории русской культуры, судьбе России или жизни самой Тэффи, и в портрете каждого из них Тэффи точно выделяет основные качества и черты характера, позволяя разглядеть за внешним фасадом истинную душу человека.

«Мою летопись» собрал и отредактировал литературовед и исследователь творчества Тэффи Станислав Степанович Никоненко, чьи комментарии включены в данное издание.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-17-189327-9

© Составление, вступительная статья,
примечания. С. С. Никоненко,
наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Из вступительной статьи «Несравненная Тэффи»

В книге, которую Тэффи предполагала назвать «Моя летопись», она хотела рассказать о тех замечательных (в том или ином отношении) людях, с кем ей пришлось встречаться, общаться на протяжении многих лет или же встретиться всего лишь два-три раза (например, Распутин), но слишком уж выделялись эти люди, слишком заметную роль сыграли или в истории литературы, или в судьбе России, русской эмиграции, или, наконец, в судьбе самой Тэффи. Герои ее «Летописи» не равнозначны ни по таланту, ни по известности, ни по своей роли в той или иной сфере жизни. Однако все они прошли через жизнь писательницы и оставили в ней заметный след.

Читателю сразу же бросается в глаза, что ни одна из глав «Летописи» не посвящена тем современникам, кто еще был жив. Правда, в главе «Георгий Чулков и Мейерхольд» Тэффи оговаривается: «Не знаю, жив ли Георгий Чулков». Но, очевидно, все же до нее дошли какие-то слухи, что к тому времени Чулкова в живых уже не было. Так что принцип этот выдержан. О живых она или упоминает

мельком, или зашифровывает их под каким-нибудь инициалом. Вероятно, здесь действует внутренняя тактичность: Тэффи знает, что не каждому хочется, чтобы о нем писали, — а иногда и опасение навредить: вдруг тот, кого она упомянула, находится сейчас в Советском Союзе — ведь его могут объявить «врагом народа» из-за того, что о нем пишет «белогвардейская» писательница...

В разное время пересеклись судьбы Тэффи и ее героев, по-разному складывались их отношения, и узнать что-то новое из ее уст даже о хорошо известных людях или же хотя бы что-то о почти совсем неизвестных сегодня персонажах — всегда интересно. Потому что каждая глава (или очерк) ее «Летописи» — это художественное произведение, герои которого живут, действуют в эпоху, порой отстоящую от нас более чем на полвека, на три четверти века, а иногда почти на век (большевистская «Новая жизнь» выходила в 1905 году!), и мы узнаём во взаимоотношениях, поисках, метаниях людей прошлого какие-то черты, особенности, присущие и нашим современникам.

Мы узнаём что-то новое и о личности Николая II, и о личности Репина, знакомимся с почти неведомым ныне русскому читателю Лоло, проникаемся еще большей симпатией к А. И. Куприну и вновь открываем для себя таких «странных людей», как З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский.

Узами теплой дружбы и взаимопонимания были связаны три русских писателя, доживавших последние свои годы в далеком Париже: И. А. Бу-

нин, Тэффи и Б. Г. Пантелеймонов. Помимо воспоминаний третьих лиц, есть тому доказательства и самих участников дружеского кружка. Вот они на фотографии 1949 года за столом в саду среди других писателей: Бунин в кепке, Тэффи, рядом стоит Пантелеймонов. Есть письма Тэффи к Андрею Седых в Нью-Йорк, есть надписи на книжках. Вот надпись на сборнике стихов Тэффи «Шамрам», подаренном Пантелеймонову: «Дорогому брату по духу Б. Пантелеймонову. Повернитесь вечером лицом к Востоку и вспомните то, чего не было». Вот надпись на книжке Пантелеймонова «Святой Владимир»: «Надежде Александровне Тэффи, очаровательной, несравненной, умной, исключительной — благодарный Б. Пантелеймонов».

А вот листок в клеточку, вырванный из блокнота, со словами, написанными Тэффи за несколько дней, а может и часов, до смерти:

«Нет выше той любви, как если кто морфий свой отдаст брату своему.

Вот!!

Н. Т.»

Запись эта сделана писательницей, когда она уже с трудом могла говорить и страдала от мучительных болей. Тэффи благодарила в ней Тамару, вдову скончавшегося двумя годами ранее Бориса Пантелеймонова, принесшую ей морфий, который только и позволял на некоторое время избавиться от мук. Как видим, и в тяжкие свои часы Тэффи не

утратила ни силы духа, ни склонности к иронии и шутке.

Такой она и была на протяжении всей жизни — смелой, острой на язык, ироничной, умной, очаровательной, исключительной, несравненной.

С. С. Никоненко

*Много интересных людей прошло через мою жизнь.
Хочу рассказать о них просто как о живых людях,
показать, какими я их видела, когда сплетались наши пути.
Они все уже ушли, и ветер замечает снегом
и пылью их земные следы. О творчестве каждого
из них писали и будут писать еще и еще, но просто
живыми людьми не многие их покажут. Я хочу рассказать
о моих встречах с ними, об их характерах, причудах, дружбе
и вражде.*

Первое посещение редакции

Мои первые литературные шаги были ужасно жутки. Да я, собственно говоря, никогда быть писательницей и не собиралась, несмотря на то что все в нашей семье с детства писали стихи. Занятие это считалось у нас почему-то ужасно постыдным, и чуть кто поймает брата или сестру с карандашом, тетрадкой и вдохновенным лицом — немедленно начинает кричать:

— Пишет! Пишет!

Пойманный оправдывается, а учителя издеваются над ним и скачут вокруг него на одной ножке:

— Пишет! Пишет!

Вне подозрений был только самый старший брат, существо, полное мрачной иронии. Но однажды, когда после летних каникул он уехал в лицей, в комнате его были найдены обрывки бумаг с какими-то поэтическими возгласами и несколько раз повторенной строчкой:

О Мирра, бледная луна!
Увы! И он писал стихи!

Открытие это произвело на нас сильное впечатление, и, как знать, может быть, старшая сестра моя Маша, став известной поэтессой, взяла себе псевдоним Мирра Лохвицкая именно благодаря этому впечатлению.

Я мечтала быть художницей. И даже по совету одной очень дельной пригостишки-одноклассницы написала это желание на листочке бумаги, листочек сначала пожевала, а потом выбросила из окна вагона. Пригостишка говорила, что средство это «без осечки».

Когда старшая сестра, окончив институт, стала печатать свои стихотворения, я иногда, по дороге из гимназии, провожала ее в редакцию. Провожала не одна, а с нянюшкой, которая несла мою сумку с книгами.

И там, пока сестра сидела в кабинете редактора (что это был за журнал, не помню, но помню, что редакторами его были П. Гнедич и Всеволод Соловьев), мы с нянюшкой ждали в приемной.

Я садилась от нянюшки подальше, чтобы никто не догадался, что она за мной присматривает, делала вдохновенное лицо и думала, что меня, наверное, и рассыльный, и переписчица, и все просители принимают за писательницу. Вот только стулья в приемной были какие-то нескладно-высокие, и ноги у меня до полу не хватали. Но этот недостаток, как и короткое платье с гимназическим передником вполне выкупался и покрывался с лихвою вдохновенным выражением лица.

В тринадцать лет у меня был уже литературный стаж: стихи на приезд государыни и стихи по случаю юбилея гимназии. В этих последних, написанных стилем пышной оды, была строфа, из-за которой много пришлось пострадать:

И пусть грядущим поколениям,
Как нам, сияет правды свет
Здесь, в этом храме просвещения,
Еще на много, много лет!

Этим «храмом просвещения» сестра донимала меня целый год. Притворюсь, что болит голова, не пойду в гимназию, и начинается:

— Надя, Надя! Что же ты не идешь в храм просвещения? Как же ты допускаешь, что там без тебя сияет правды свет?

И вот, когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, написала я забавную «Песенку Маргариты», конечно, никому ее не показала и решила потихоньку отнести в «Осколки».

В «Осколках» редактором был Лейкин, тогда уже старый, хворый. Вскоре он и умер.

Пошла в редакцию. Очень было страшно. Страшнее всего на лестнице, когда я протянула руку к звонку. Дверь была маленькая и грязная. Пахло пирогом с капустой, которого я терпеть не могу. Позвонила и тут же подумала: «Бежать!»

Но за дверью что-то заскреблось. Сняли цепочку. В щелку посмотрели — сначала один глаз, потом другой... и дверь открылась.

— Вам кого?

Пожилая, очень худая дама в оренбургском платке крест-накрест.

— Я к... мне к... к Лек...

— Их еще нет, — сказала дама. — Войдите, присядьте, обождите. Они скоро будут.

Посадила меня в крошечную комнатку и ушла. Из крошечной комнатки видна была другая, тоже небольшая, край письменного стола и над ним какое-то птичье чучело.

Над столом висело птичье чучело,
На редактора смотрело, глаза пучило...

Ждала долго. Изредка входила худая дама и, поглаживая костлявыми руками свой платок на груди, шептала мне:

— Потерпите! Теперь уже недолго.

И вот раздался звонок. Топот, кашель, хрип. Я разобрала:

— Кто?

— Что?

— А?

— Зачем?

— К кому?

— Черт!

Потом хрип смолк, снова вошла худая дама и сказала испуганным шепотом:

— Они еще обмерзши. — И ушла. А я сидела и думала, какой ужас заниматься литературой...

Опять вошла худая дама и опять прошептала, видимо, жалея меня и желая ободрить:

— Они еще не оттаявши!

Добрая дама! Обнять бы ее и вместе поплакать... И снова ушла. Господи, господи! Уйти бы мне, да и уйти не смею. Опять дама.

— Они отошедши.

Я как-то не сразу поняла, что значит «отошедши». Одно мгновение подумала, что это значит, будто Лейкин умер, и в ужасе вскочила.

— Да вы не бойтесь! — успокаивала дама. — Они сказали, чтобы вас впустить.

Я зажмурилась, я шагнула вперед. Действительно, ведь не убьет же он меня! В кресле перед птичьим чучелом сидел кряжистый, кривоплечий и, кажется, косоглазый человек с черной бородой. Очень мрачный.

— С чем пожаловали? — спросил он меня, глядя в сторону. — Что вам нужно?

— Стихи... — прошептала я.

— Какие стихи?

— «Песенка Маргариты».

— Что-о? У нас, кажется, таких стихов отродясь не бывало. Объясните толковее.

— Я сочинила. Вот.

Он, не глядя на меня, протянул руку. Я ткнула в нее свой листок.

— Ну? — сказал он.

— Что? — спросила я.

— Ну и до свиданья. Ответ прочтете в «Почтовом ящике».

Через месяц я прочла в «Почтовом ящике» «Осколков»: «“Песенка Маргариты” никуда не годится».

Таков был мой первый литературный шаг. Впоследствии эту самую «Песенку Маргариты» я прямо для тайного торжества над сердитым редактором (хотя его уже не было на свете) напечатала в разных изданиях не меньше четырех раз.

Хотя... пожалуй... будь я сама редактором, я бы не напечатала ее ни разу.

Псевдоним

Меня часто спрашивают о происхождении моего псевдонима. Действительно — почему вдруг «Тэффи»? Что за собачья кличка? Недаром в России многие из читателей «Русского слова» давали это имя своим фоксам и левреткам.

Почему русская женщина подписывает свои произведения каким-то англоизированным словом?

Уж если захотела взять псевдоним, можно было выбрать что-нибудь более звонкое или, по крайней мере, с налетом идейности, как Максим Горький, Демьян Бедный, Скиталец. Это всё намеки на некие политические страдания и располагает к себе читателя.

Кроме того, женщины-писательницы часто выбирают себе мужской псевдоним. Это очень умно и осторожно. К дамам принято относиться с легкой усмешечкой и даже недоверием:

— И где это она понахваталась?

— Это, наверное, за нее муж пишет.

Была писательница Марко Вовчок, талантливая романистка и общественная деятельница, подписывалась «Вергежский»; талантливая поэтесса подписывает свои критические статьи «Антон Край-

ний». Все это, повторяю, имеет свой *raison d'être*. Умно и красиво. Но — Тэффи — что за ерунда?

Так вот, хочу честно объяснить, как это все произошло. Происхождение этого литературного имени относится к первым шагам моей литературной деятельности. Я тогда только что напечатала два-три стихотворения, подписанные моим настоящим именем, и написала одноактную пьеску, а как надо поступить, чтобы эта пьеска попала на сцену, я совершенно не знала. Все кругом говорили, что это абсолютно невозможно, что нужно иметь связи в театральном мире и нужно иметь крупное литературное имя, иначе пьеску не только не поставят, но никогда и не прочтут.

— Ну кому из директоров театра охота читать всякую дребедень, когда уже написаны «Гамлет» и «Ревизор»? А тем более дамскую стряпню!

Вот тут я и призадумалась. Прятаться за мужской псевдоним не хотелось. Малодушно и трусливо. Лучше выбрать что-нибудь непонятное, ни то ни се.

Но — что? Нужно такое имя, которое принесло бы счастье. Лучше всего имя какого-нибудь дурака — дураки всегда счастливые.

За дураками, конечно, дело не стало. Я их знавала в большом количестве. И уж если выбирать, то что-нибудь отменное. И тут вспомнился мне один дурак, действительно отменный и вдобавок такой, которому везло, значит, самой судьбой за идеального дурака признанный.

Звали его Степан, а домашние называли его Стеффи. Отбросив из деликатности первую букву (чтобы дурак не зазнался), я решила подписать пьеску свою «Тэффи» и, будь что будет, послала ее прямо в дирекцию Суворинского театра. Никому ни о чем не рассказывала, потому что уверена была в провале моего предприятия.

Прошло месяца два. О пьеске своей я почти забыла и из всего затем сделала только назидательный вывод, что не всегда и дураки приносят счастье.

Но вот читаю как-то «Новое время» и вижу нечто: «Принята к постановке в Малом театре одноактная пьеса Тэффи “Женский вопрос”».

Первое, что я испытала, — безумный испуг. Второе — безграничное отчаянье.

Я сразу вдруг поняла, что пьеска моя — непроходимый вздор, что она глупа, скучна, что под псевдонимом надолго не спрячешься, что пьеса, конечно, провалится с треском и покроет меня позором на всю жизнь. И как быть, я не знала и посоветоваться ни с кем не могла.

И тут еще с ужасом вспомнила, что, посылая рукопись, пометила имя и адрес отправителя. Хорошо, если они подумают, что это я по просьбе автора отослала пакет, а если догадаются, тогда что?

Но долго раздумывать не пришлось. На другой же день почта принесла мне официальное письмо, в котором сообщалось, что пьеса моя пойдет такого-то числа, а репетиции начнутся тогда-то, и я приглашалась на них присутствовать.